

Сердце Су Чангэ сжалось от жалости. Они выросли вместе, и сейчас, видя его в таком состоянии, он не мог оставаться равнодушным.

— Люди едят хлебные злаки, кто же не болеет? Это же не какая-то неизлечимая болезнь. Если заболел — надо лечиться. Ты сейчас опора семьи, ты не должен сдаваться. Иначе тётушка будет очень переживать!

Чжао Дачжи быстро вытер глаза.

— Перед ними я таким не показываюсь. Моя жена, хоть и выглядит крупной женщиной, душа у неё золотая! Жаль только, что со мной она не видела хорошей жизни.

— Главное, чтобы ты был здоров, счастливые дни ещё впереди!

Слова застряли у Чжао Дачжи в горле, и он не мог выговорить ни звука. Годы бедности научили его чувствовать перемену в отношениях людей. Он видел слишком много презрения. Один его глаз почти ослеп, и из-за этого он выглядел иначе. Даже дети бросали в него камни, называя уродом! Без профессии и с увечьем он жил плохо, если говорить честно, даже собаки на него не смотрели... Он обзвонил всех друзей, которых смог найти, и только Ян Ваньцюань и Су Чангэ помогли.

Он знал, что люди говорили: деньги, взятые у него, — как вода в песок. Но те, кто осмелился помочь ему в такое время, заслуживали вечной благодарности.

— Чангэ, я человек простой, не умею красиво говорить, но знай, брат, я всё понимаю и ценю!

— Эй, зачем об этом говорить! — Су Чангэ шёл и оглядывался по сторонам. Неудивительно, что городские бизнесмены хотели построить здесь загородный клуб. Воздух здесь и правда замечательный. Голубое небо, белые облака, зелёные горы и чистая вода — всё это для деревни обыденность, но для горожан кажется недостижимой роскошью.

Пройдя немного, они увидели всё ту же гору из памяти. Склоны были покрыты густыми ветвями, а под ногами росли различные дикорастущие растения. Беглый взгляд показал: здесь были осот, одуванчики, пастушья сумка и лесные грибы. Их было полно по всему горю.

— Почему же никто не собирает эти травы? — немного удивился Су Чангэ. Их было так много, что он даже не знал, куда поставить ногу.

— Ведь тот загородный клуб прогорел. Староста не сдаётся и всюду ищет инвесторов, говорит о привлечении капитала, поэтому плоды и травы на горе трогать нельзя! — В этом он его понимал. Когда приедет большой бизнесмен и увидит, что гора может приносить доход, он её арендует, и в каждом доме денег станет прибавляться.

Продолжая подниматься, они увидели различные горные плоды, висящие на деревьях, словно маленькие фонарики. Красные и зелёные, они сразу приковывали взгляд. Рядом росли два дерева грецкого ореха, которые здесь не местные. Они выглядели вялыми, и плодов на них было мало.

Чжао Дачжи взглянул на них.

— На горе таких деревьев ещё немало, их посадил староста вместе со всеми! Говорил, так бизнесменам больше понравится! Да вот неизвестно, почва им не подходит или что ещё. Едва живые!

— Эти саженцы стоили немало, да? — удивился Су Чангэ. На такой огромной горе только на саженцы можно было потратить целое состояние. С такими вложениями не удивительно, что староста одержим продажей.

— Дорогие саженцы здесь для фасада, пройдем ещё — там одни дешёвые плодовые саженцы, — улыбнулся Чжао Дачжи.

Они продолжали подниматься, разговаривая. Гора была действительно большой, посередине располагалась большая поляна. Здесь было много деревьев, почва влажная, и, идя по ней, можно было почувствовать аромат земли.

Чжао Дачжи выдернул из земли сорняк и понюхал корень.

— Это пахотная земля, её не раз перепахивали! Земля хорошая... что ни посади — всё растёт!

— Всё-таки большая!

— Пятьдесят с лишним му! — сказал Чжао Дачжи. Но он знал, что работа на земле — это физический труд. Кто пойдёт в горы обрабатывать землю? Ежедневно только подниматься в гору — уже тошно. Он-то привык к крестьянскому труду, а Су Чангэ уже начал тяжело дышать.

Они прошли только одну гору, меньше трети всего пути.

— Тебе ещё нужно тренировать тело!

— Это верно!

Спустившись с горы, они вышли на довольно большую площадку между хребтами, посередине которой протекал ручей с горной родниковой водой. Су Чангэ заглянул в воду — рыб не было.

— Рыбы прячутся в расщелинах камней, как только взболтаешь воду — сразу увидишь! — улыбнулся Чжао Дачжи.

— Много рыбы?

— Не так много, как в детстве! Но рыба в этом горном ручье очень нежная, как ни приготовь — вкусно. В прошлый раз моя дочь захотела рыбки, я поймал двух маленьких карасей и сварил уху, девочка съела почти полторы миски риса! — При упоминании дочери на его лице появилась простая улыбка. — Но сейчас ловить нельзя!

— Опять из-за привлечения инвестиций?

— Да!

— А это тот самый пруд с лотосами! — Чжао Дачжи указал пальцем.

Су Чангэ посмотрел: там было три ямы с грязью. Каждая размером с футбольное поле школы. Сейчас были видны только ил и тина.

— Слишком большие затраты. Ежедневно работать здесь, наверное, очень утомительно, да и цена на лотосы невысока. Позже сын старого Чжана всё бросил!

— Значит, этот пруд выкопали зря?

— Не зря, староста сказал: если удастся привлечь инвестиции, дадут им побольше! — Чжао Дачжи посмотрел на уже покрытого потом Су Чангэ. — А там ещё одна гора, ты уже не можешь?

— Брат, просто расскажи мне про ту гору!

— Такая же, как эта!

— Тогда не будем смотреть, пойдём обратно! — Су Чангэ мало что ел, да и после такого долгого подъёма в гору уже был измотан и голоден.

— Ладно! — Видя его обильный пот, Чжао Дачжи тоже почувствовал неловкость. — Пойдём домой!

Не то чтобы от слабости, но дорога вниз казалась особенно длинной. Казалось, ноги налились свинцом, каждый шаг давался с трудом, сердце колотилось. Пот катился градом со лба, пройдя долгий путь, Су Чангэ уже готов был упасть. Увидев свой низкий домик, у него даже глаза загорелись, и издалека он почувствовал запах лепёшек. В животе заурчало.

Он уже собирался войти, как вдруг увидел пожилого человека, бодро стоявшего там.

— Су Чангэ, парень, чего это ты вернулся?

Чжао Дачжи и Су Чангэ были в замешательстве: оказалось, староста ждал их здесь.

— Староста! — одновременно сказали они.

— Здорово! — Этот маленький старичок был сухощавым, одет в костюм цзяньфу, но выглядел очень бодрым.

В семье Чжао Дачжи были бедны, люди старались обходить их стороной, но сегодня он разговаривал с женой на кане, когда она сказала, что какой-то городской в щегольском костюме искал его, и они вместе пошли в горы.

Это сразу задело чувствительные нервы старосты. Он даже не успел как следует обуться, наспех оделся и стал ждать здесь.

Когда он увидел Су Чангэ, у него снова загорелись глаза. Он видел больше, чем другие в деревне, и по его одежде и осанке тоже мог понять, что этот парень, Су Чангэ, выбился в люди!

Из дома доносился запах лепёшек. Су Чангэ уже едва держался.

— Староста, мама печёт лепёшки, не угодно ли вам поесть с нами? — Чжао Дачжи, глядя на старосту, понимал, что у того есть слова.

— Это было бы отлично! — одобрительно посмотрел староста на Чжао Дачжи. Действительно, человек с пониманием. — Я как раз ещё не обедал в полдень. Кстати, лепёшки твоей мамы — первое место в деревне, даже лучше, чем купленные в городе! — Сказав это, он первым вошёл в дом.

Тётушка Чжао, увидев, что староста вернулся вместе с ними, была удивлена, но на лице этого не показала.

— Каким ветром занесло старосту? Я говорю, почему сегодня сороки стрекочут, оказалось, к

нам почётные гости пришли!

— Эх... — староста засмеялся громко. — Издалека услышал запах твоих лепёшек и пришёл с наглой просьбой угоститься. С собой ничего хорошего не принёс, вот, для девочки сто юаней, на одежду купите! — Сказав это, он вытащил из кармана красную купюру и хотел сунуть ребёнку.

— Не надо! — звонко ответила девочка.

— Ой, ну зачем так, вы уж пришли, а ещё так вежливо! — тётушка Чжао поспешила засунуть деньги обратно, но откуда вытасканные старостью деньги возвращались? Его отношение было твёрдым: не принять — значит, не уважить его.

В конце концов, не переспорив, пришлось принять.

А эта девочка была смышлёной и сладкоголосой, поспешила сказать:

— Спасибо, дедушка!

<http://bllate.org/book/16775/1542097>